

М.Ю. Сорокина

КТО ВЫ, «ОФИЦЕР БАЛАКИН»?: НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ

Статья вводит в научный оборот новые биографические данные о востоковеде-арабисте Андрее Андреевиче Балакине (1883–?), извлеченные из различных российских архивов.

Ключевые слова: А.А. Балакин, Инаят Хан, история востоковедения, история арабистики, история индологии, архивы.

М.Ю. SOROKINA

WHO ARE YOU, ‘OFFICER BALAKIN’?: NEW BIOGRAPHICAL DATA

The article deals with the new biographical data regarding the unknown Russian orientalist Andrey Balakin (1883–?). It introduces new archival documents from the Moscow archives, allowing to elucidate many episodes of the scholar’s biography.

Keywords: Andrey Balakin, Inayat Khan, archives, history of Indology, history of Arabic studies, history of Oriental studies.

С Я.В. Васильковым нас познакомил общий интерес к судьбе репрессированных в СССР востоковедов и общие друзья в лице незабвенного ленинградского историка науки Феликса Федоровича Перченка (1931–1993), который оставил нам в наследство «предварительный список репрессированных востоковедов». Конечно, после интенсивных архивных разысканий и уточнений от того списка мало что осталось, тем не менее большой черный том «Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)» не мог состояться без многолетней коллективной работы нашего маленького кружка и его поддержки многими друзьями и сочувствующими [Люди и судьбы 2003].

С момента издания этой нашей единственной с Я.В. Васильковым совместной работы минуло более пятнадцати лет и, конечно, ввиду значительного увеличения и / или уточнения старых и новых данных, ее бы следовало дополнить и переиздать. Тем более, что этот черный во всех смыслах том до сих пор остается единственным систематическим описанием «репрессированной составляющей» судьбы отдельного дисциплинарного научного сообщества в советскую эпоху. Ни физики, ни химики, ни историки, ни представители других научных областей, к великому сожалению, так и не создали свои «Книги памяти» репрессированных коллег, и проблема взвешенной, аргументированной и документированной, научной оценки влияния карательной политики сталинизма на ход и развитие «советской» науки остается открытой.

Настоящая заметка — скорее заявка на тему, чем ее реализация. Она представляет собой небольшой комментарий к большой и мало изученной проблематике социальной истории отечественного востоковедения XX в., истории взаимоотношений ориенталистов с различными институтами российского общества и государства.

В 1999 г. в сборнике архивных материалов и документов «Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.» был опубликован интересный материал о выступлениях в Москве в марте 1914 г. суфия и первого индийского музыканта, исполнившего в России классическую индийскую музыку, Инаят Хана (1882–1927). Публикацию о его лекции об индусской музыке, состоявшейся

в Политехническом музее на заседании Музыкально-этнографической комиссии Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, сопровождали и неопубликованные воспоминания Е.Ю. Спасской¹ «Индусы в Москве» о встречах московских теософов с Инаят Ханом в 1913 г. [Русско-индийские отношения 1999: 423, 424–427]. В 2009 г. в журнале «Иностранная литература» известный российский индолог Т.Н. Загородникова продолжила эту тему в статье «Серебряный век и Индия», в которой рассказала широкой публике об огромном интересе к Востоку и его культурам, буквально захватившем интеллектуальную и художественную элиту России начала XX в. [Загородникова 2009]. Л.Н. Толстой, А.М. Горький, А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт, А.Я. Таиров, А.Н. Скрябин — это лишь малая часть имен выдающихся российских творцов серебряного века, которые интересовались Индией, изучали ее древние и современные практики, ездили в далекую страну и переписывались с ее известными религиозными и общественными деятелями.

Помимо них существовала и определенная прослойка столичной интеллигенции и молодежи, которые были и / или становились транснациональными и транскультурными коммуникаторами и реальными носителями многих мистических практик Востока и Индии в частности. Собственно, именно они и окружали Инаят Хана, когда он с группой музыкантов путешествовал по России и провел здесь, в Москве и Петербурге, в общей сложности семь месяцев — с декабря 1913 по лето 1914 г.

Но визит Инаят Хана интересовал не только его поклонников или последователей. По сведениям Т.Н. Загородниковой, однажды к музыканту подошел незнакомый человек и представился офицером Андреем Балакиным, который якобы был приставлен к нему полицейскими властями с целью наблюдения [Загородникова 2009: 263]. Однако случилось так, что «офицер Балакин» увлекся идеями индийского суфия и захотел стать его учеником.

¹ К ее биографической справке, приведенной в [Русско-индийские отношения 1999: 429], добавим: Елена Юрьевна (Георгиевна) Спасская была дочерью священника. Родилась 20 декабря (ст. ст.) 1891 г. Окончила Нежинскую женскую гимназию П.И. Кушакевич с серебряной медалью (1900–1909), историко-философский факультет Московских высших педагогических курсов по отделению русской истории (1909–1914). См.: ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24098.

Во всяком случае, через несколько месяцев после этой встречи он перевел с английского языка и издал книгу Инаят Хана «Суфийское послание о свободе Духа», снабдив ее своим кратким введением [Профессор Инаят-хан 1914].

Эта любопытная история послужила для нас отправной точкой для поиска сведений о московском военном — последователе Инаят Хана. Отталкиваясь от информации об «офицере» Андрее Балакине, который занимался «наблюдением» за иностранцем, мы решили поискать, во-первых, его послужной список в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), а во-вторых, материалы Московского охранного отделения и Департамента полиции в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), куда бы этот «офицер» мог направлять результаты своих наблюдений.

Действительно, в РГВИА сохранился послужной список некоего прапорщика запаса Андрея Андреевича Балакина¹. Согласно этому документу, он родился 13 августа (ст. ст.) 1883 г. в городе Орел в семье запасного фельдшера и окончил Орловскую мужскую гимназию в 1904 г. В марте 1911 г. А.А. Балакин поступил на военную службу вольноопределяющимся 1 разряда на казенное содержание в шестую роту 144-го пехотного Каширского полка, дислоцировавшегося в Брянске². В октябре того же года он получил звание ефрейтора, а после окончания курса полковой учебной команды в декабре вышел младшим унтер-офицером. Еще через месяц, 7 января 1912 г., А.А. Балакин уже числится старшим унтер-офицером, в начале апреля допущен к экзамену на чин прапорщика запаса в войсковой комиссии. 13 апреля командир 144-го пехотного Каширского полка полковник П.А. Ниве рапортовал командиру второй бригады 36 пехотной дивизии о производстве вольноопределяющегося Балакина в прапорщики запаса армейской пехоты (тем самым он получил младший чин офицерского состава). Местом жительства новый офицер избрал Брянск Орловской губ. и в тот же день приказом по полку был уволен в запас армии в Брянск³.

¹ С этим источником, судя по «Листу использования документов», знакомились и Т.Н. Загородникова. Выражаю самую искреннюю благодарность М.М. Горинову-мл., который помогал нам в архивных поисках.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34161. Л. 258–260.

³ Там же. Л. 257 — 257 об.

Вот собственно и все, что нам поведал послушной список «офицера Балакина» о его полугодовой службе в армии. Какая связь, если она вообще была, между прапорщиком запаса и приставленным к Инаят Хану в 1913 или 1914 г. «агентом», оставалось непонятным.

Но ниточка потянулась дальше — в архивные фонды Московского охранного отделения и Департамента полиции, где нас ожидали открытия. В документах ГАРФ нашлись два дела с почти одинаковыми названиями. Первое хранится в фонде Московского охранного отделения (Отделение по охране общественной безопасности в порядке в Москве¹): «О бывшем студенте Лазаревского института А.А. Балакине»². Велось оно здесь с 1906 г., т. е. началось на пять лет раньше, чем датирован послушной список офицера Балакина. Второе — в фонде Департамента полиции: «О студенте Лазаревского института Андрее Андреевиче Балакине»³, начатое в V делопроизводстве в 1907 г.⁴

Уже названия дел многое в нашем поиске расставляли по своим местам. Конечно, с самого начала мы предполагали, что «офицер Балакин», подсланный к Инаят Хану, должен был иметь отношение к Востоку и знать восточные языки, и архивные полицейские материалы подтвердили эту гипотезу.

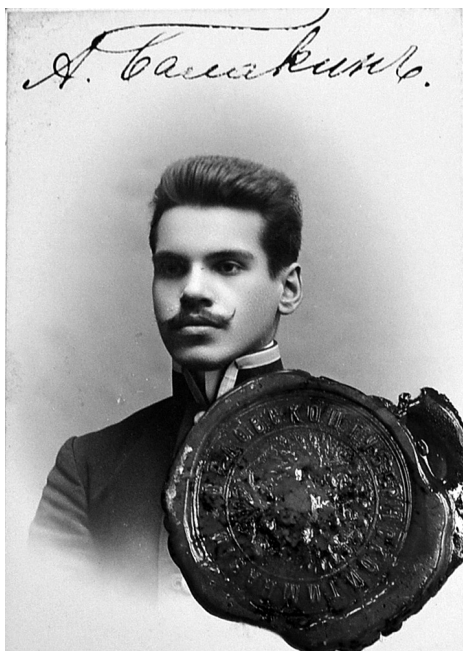
Как известно, Лазаревский институт восточных языков (ЛИВЯ), располагавшийся в Армянском переулке в Москве, был первым российским специализированным высшим учебным заведением, готовившим переводчиков и консульских работников для дипломатических представительств России в странах Востока. Здесь широко изучались восточные языки и культура, в разные годы ЛИВЯ окончили многие известные российские востоковеды и дипломаты, в том числе академик В.А. Гордлевский (1876–1956), профессор Кембриджа В.Ф. Минорский (1877–1966), будущий евразиец и крупнейший специалист по курдам В.П. Никитин (1885–1960) и многие другие.

¹ Ведущее учреждение политического розыска, вело борьбу с революционным и оппозиционным движением. К 1917 г. в картотеке Московской «охранки» числилось более 300 тыс. карточек на лиц, попавших в поле зрения полиции.

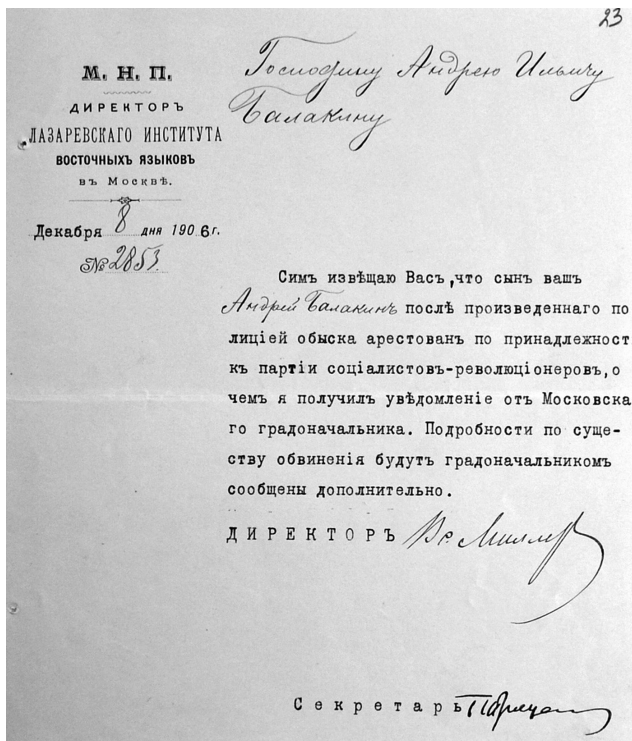
² ГАРФ. Ф. Р-63. Оп. 26. 1906 г. Д. 1440.

³ Там же. Ф. Р-102. Дел-во 5. Оп. 143. 1907 г. Д. 830, ч. 4.

⁴ Это «исполнительное» делопроизводство занималось составлением докладов для Особого совещания под председательством товарища министра внутренних дел по вопросам административной высылки политически неблагонадежных лиц, а также осуществлением гласного полицейского и негласного надзора.

Андрей Андреевич Балакин. 1904 г. ЦГАМ. ОХД до 1917.
Ф. 213. Оп. 2. Д. 473. Публикуется впервые.

Письмо директора ЛИВЯ В.Ф. Миллера А.И. Балакину. 1906 г. ЦГАМ.
ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 2. Д. 473. Л. 23. Публикуется впервые

Упомянутый в материалах ГАРФ Андрей Андреевич Балакин подал прошение о поступлении в ЛИВЯ в 1904 г.¹ Его личное студенческое дело сохранилось в архивном фонде института в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ), и благодаря этому мы смогли подтвердить, что прапорщик запаса и студент ЛИВЯ А.А. Балакин — одно и то же лицо. Он также родился 13 / 25 августа 1883 г. в г. Орел и был крещен в Ахтырской церкви. Отец студента — запасной фельдшер Дорогобужского полка Андрей Ильич Балакин, впоследствии живший в Риге или Митаве, мать — Екатерина Андреевна. Согласно документам ЦГАМ, Андрей Балакин окончил Орловскую классическую гимназию с золотой медалью в июне 1904 г., причем в «Аттестате зрелости» отмечались его отличные успехи в науках, особенно филологии².

На одном курсе с А.А. Балакиным или параллельно с ним в ЛИВЯ учились многие известные в будущем востоковеды-тюркологи и арабисты. Это Милий Федорович Достоевский (1884–1937), Алексей Акимович Олесницкий (1888–1943), Леонид Сергеевич Некора (1886–1935), Василий Петрович Никитин (1885–1960), Владимир Трифильевич Рафальский (1886–1945) и др.³ Почти все они были учениками выдающегося арабиста, ираниста и тюрколога, автора более 500 печатных работ, посвященных истории и культуре арабских стран, Ирана, Турции, Крымского ханства, Азербайджана Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942), в 1898–1918 гг. профессора ЛИВЯ по кафедре арабского языка и истории мусульманского Востока⁴. Видимо, А.А. Балакин тоже может быть причислен к его ученикам.

¹ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 2. Д. 473. Л. 1.

² Там же. Л. 2 — 2 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1334. Л. 2 об. — 3, 4 об. — 5, 7 об. — 8.

⁴ С 1918 г. зав. кафедрой Киевского университета. Один из организаторов Украинской Академии наук, ее действительный член (1918) и непреходящий секретарь (до 1928). После разгрома Академии в конце 1920-х годов смещен со всех постов и оказался на восемь лет в опале. Несколько лет с клеймом «националиста» жил в крайне тяжелых материальных условиях. В 1939 г., после присоединения к СССР Западной Украины, отправлен во Львов, 70-летие Крымского отмечалось официальными торжествами, в начале 1941 г. его наградили орденом Трудового Красного знамени. Арестован 20 июля 1941 г., обвинен как участник вымышленной «Спілки визволення України». Осенью 1941 г. вывезен в Казахстан; умер 25 января 1942 г. в больнице при тюрьме НКВД № 7 в Кустанае. Место захоронения до сих пор неизвестно. Реабилитирован в 1957 г.

В то же время среди студентов ЛИВЯ было много представителей национальных меньшинств Российской империи — армян, поляков, осетин, евреев. Многие из них увлекались эсеровскими идеями и особенно практиками революционной борьбы с самодержавным режимом на улицах Москвы и в тайных организациях, что неоднократно приводило к их арестам и исключению из ЛИВЯ.

Революционные настроения были не чужды и Андрею Балакину. Так, первое полицейское дело было заведено на него после того, как в ночь на 2 декабря 1906 г. в Москве во время обыска на квартире № 8 дома Паншиной, по Гороховскому переулку, снимаемой мещанином В.А. Гулиным, были обнаружены «7 бомб, 21 перекисиловая шашка, оружие, принадлежности для снаряжения бомб и тетрадь с шифрованными записями, часть которых представилось возможным расшифровать»¹. По расшифрованным адресам и были произведены дополнительные обыски и аресты, и в число подозреваемых попал студент Балакин, проживавший в доме № 9 по Большому Козихинскому переулку².

В поручении Московского охранного отделения приставу 2 участка Арбатской части было особо отмечено, что необходимо «провести самый тщательный и всесторонний обыск у студента А.А. Балакина — всю квартиру. Надлежит обратить особое внимание на бесцензурные издания, переписку, фото и визитные карточки и адреса. Все эти предметы должны быть опечатаны и с протоколом обыска препровождены в Отделение. Обыскиваемый же подлежит безусловному задержанию»³. Что и было выполнено с надлежащей быстротой и тщательностью в два часа ночи 3 декабря. При обыске были отобраны 35 писем, две записные книжки, два билета, выданные директором Лазаревского института, и коробка с фотографическими карточками⁴.

Несмотря на то что ничего криминального обнаружено не было, Андрей Балакин был арестован по принадлежности к партии эсеров наряду с еще несколькими студентами ЛИВЯ

¹ ГАРФ. Ф. Р-63. Оп. 26. 1906 г. Д. 1440. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 6–7.

(А.А. Аганджянц, Т.А. Айруни, А.Н. Тандов, А.Н. Потваканов). Почти сразу ЛИВЯ получил список арестованных воспитанников, и все они были временно уволены из института за участие в беспорядках¹. Отметим, что среди «безрезультатно» обысканных и поэтому оставленных на свободе был Л.С. Некора.

В то же время директор ЛИВЯ, известный языковед и этнограф, профессор Московского университета Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) принял самое активное участие в судьбе арестованных студентов. 8 декабря он направил письмо отцу А.А. Балакина об аресте сына², а 14 декабря официально, от имени ЛИВЯ, просил московского градоначальника об ускорении следствия по делу Балакина ввиду его болезненного состояния и о высылке студента в Орел³.

Либерально настроенная университетская профессура всегда стремилась максимально защитить или облегчить участь революционно настроенного студенчества, даже не разделяя его нелегальную активность. Вот и после того, как 4 января 1907 г. А.А. Балакин был доставлен в Московскую центральную пересыльную тюрьму, где «зачислен дальнейшим содержанием» за Московским губернским жандармским управлением (МГЖУ)⁴, В.Ф. Миллер еще раз ходатайствовал, теперь уже перед начальником МГЖУ, об ускорении производства по делу студента, «страдающего болезнью легких»⁵.

Однако исполнявший обязанности начальника Московского охранного отделения подполковник Е.К. Климович придерживался иного мнения «о вредном в политическом отношении направлении» мыслей А.А. Балакина. 20 февраля 1907 г. он направил на имя московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана представление о внесении «дела Балакина» на рассмотрение Особого Сопровождающего на предмет высылки в отдаленные местности Вос-

¹ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1337. Л. 12.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 22. Уже 3 декабря А.А. Балакин направил прошение об освобождении из-под ареста ввиду плохого самочувствия (ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1337. Л. 21).

⁴ ГАРФ. Ф. Р-63. Оп. 26. 1906 г. Д. 1440. Л. 10.

⁵ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1337. Л. 25. Тогда же, ранней зимой 1907 г., на А.А. Балакина было заведено второе дело «О студенте Лазаревского института Андрее Андреевиче Балакине», сохранившееся в ГАРФ в фонде Департамента полиции (см.: ГАРФ. Ф. 102. Дел-во 5. Оп. 143. 1907 г. Д. 830, ч. 4).

точной Сибири под гласный надзор полиции и запрете жительства в столицах и столичных губерниях сроком на два года¹.

Казалось, дальнейшая судьба арестованного была predetermined. Однако профессор В.Ф. Миллер боролся за своего студента до конца. 28 февраля в специальном письме он просил товарища министра внутренних дел А.А. Макарова разрешить А.А. Балакину выехать за границу «по причине его болезни»². Помета на письме — «Лично доложено товарищу министра 10 марта» — свидетельствовала о внимании к просьбе профессора. И хотя постановлением Совета ЛИВЯ от 21 марта 1907 г. Балакин был все же уволен из института, однако мотивировка этого решения — «за невозможностью оплаты» — оставляла для него все шансы на восстановление. Вероятно, за строками официальных бумаг, которыми обменивались профессора и полицейские, шли их интенсивные переговоры об участии студента.

Действительно, 24 марта 1907 г. последовало решение министра внутренних дел П.А. Столыпина «выслать А.А. Балакина под гласный надзор полиции в один из северных уездов Вологодской губ. на два года, считая срок с 12 марта 1907 г. с заменой выезда за границу, с тем если он возвратится в Россию ранее 10 марта 1909 г., то настоящее постановление будет подлежать исполнению»³. Более того, студенту разрешили свободный проезд из Москвы по Московско-Курской железной дороге до пограничного пункта «Граница» с правом заехать на одни сутки в г. Орел⁴.

5 апреля А.А. Балакин дал подписку начальнику Московской пересыльной тюрьмы, что решение ему объявлено и по освобождении из-под стражи он обязуется явиться в Охранное отделение за получением заграничного паспорта⁵. 9 апреля студент отправил прошение об увольнении из ЛИВЯ⁶.

Наконец, через неделю, 15 апреля 1907 г., помощник начальника отделения Варшавского жандармского полицейского управ-

¹ ГАРФ. Ф. Р-63. Оп. 26. 1906 г. Д. 1440. Л. 11.

² Там же. Ф. Р-102. Дел-во 5. Оп. 143. 1907 г. Д. 830, ч. 4. Л. 2. Копия этого письма также сохранилась в личном деле А.А. Балакина в ЛИВЯ (ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1337. Л. 26, 30).

³ Там же. Ф. Р-63. Оп. 26. 1906 г. Д. 1440. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1337. Л. 31.

ления железной дороги на пограничном пункте ст. Граница сообщил начальнику Московского охранного отделения: «Балакин сего числа выехал за границу через пограничный пункт “Граница”»¹.

Куда вместо Якутии или Вологодской губернии отправился молодой человек, известно из ответа ЛИВЯ на запрос его отца о местонахождении сына. 7 ноября 1907 г. ему сообщили: «Теперь сын Ваш находится в Египте в гор. Каир. Писать ему можно туда до востребования»².

Отметим, что не только отец разыскивал Андрея Балакина в это время. Известный судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам Р.Р. Вольтановский (1858–1917) еще в июле 1907 г. затребовал в ЛИВЯ бумаги о приеме Балакина в институт³, но возвратил их очень быстро — «по минованию надобности»⁴.

Документы свидетельствуют, что после 1912 г. Андрей Балакин вновь оказался за пределами Российской империи и вернулся 2 мая 1914 г. в меблированные комнаты «Либава» по Тверской ул. в Москве⁵. Таким образом, вряд ли он мог общаться с Инаят Ханом ранее мая 1914 г.

Зато сразу по возвращении Балакин восстановил связь с ЛИВЯ. В том же 1914 г. он опубликовал в издававшихся институтом «Трудах по востоковедению», XLIII выпуск которых на этот раз был представлен «Восточным сборником в честь А.Н. Веселовского», перевод с арабского «Из *«Книги о хорошем и противоположном»* псевдо-Джахыза» (С. 83–90). Среди авторов этого сборника были самые известные востоковеды ЛИВЯ: А.Е. Крымский и М.О. Агтая, А.А. Семенов, Л.И. Жирков, А.К. Тимофеев и др. Обратим внимание и на то, что перевод «Суфийского послания о свободе духа» Инаят Хана был опубликован Балакиным

¹ ГАРФ. Ф. Р-63. Оп. 26. 1906 г. Д. 1440. Л. 19. Проходное свидетельство зафиксировало его приметы: «Роста среднего, телосложения умеренного, волосы на голове, бровях и усах темно-русые, на усах немного темнее, бороду бреет, лицо худощавое, бледное, глаза карие, губы полные. Особых примет не имеется» (Там же).

² ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1337. Л. 36.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 35. Это был тот самый следователь, который в 1908 г. будет вести «дело» арестованного В.В. Маяковского.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-63. Оп. 26. 1906 г. Д. 1440. Л. 25.

в том же 1914 г. в Типографии профессора-арабиста ЛИВЯ М.О. Аттая.

Подведем некоторые предварительные итоги. Документально подтверждается, что Андрей Балакин учился в ЛИВЯ всего два года — с 1904 по 1906 г. и специализировался на изучении мусульманского Востока, прежде всего арабского. Нам не удалось обнаружить в фонде ЛИВЯ документов о восстановлении или окончании им института после 1912 г., однако опубликованные работы Балакина свидетельствуют о том, что до Русской революции 1917 г. он не терял связи ни с ЛИВЯ, ни с его преподавателями.

Выявленные документы пока не дают ответа на вопрос, как и по чьей «протекции» — профессоров или полицейских — Андрей Балакин оказался в 1907 г. в Каире и в каком статусе, что он делал с 1907 по 1911 г. Еще более непонятно, был ли он «завербован» в это время Охранкой в качестве осведомителя или нет, и не является ли рассказ о его наблюдении за Инаят Ханом легендой¹.

Так или иначе, но после революции 1917 г. А.А. Балакин оказался в эмиграции. Его следы обнаруживаются в Париже. В 1925–1926 гг. в качестве члена Общества изучения Востока он неоднократно выступал на его собраниях с докладами: 16 декабря 1925 г. — «О суфизме и персидских листах», 16 апреля 1926 г. — «О персидских поэтах-мистиках» [Русское Зарубежье 1995: 222, 250]. Есть сведения, что в эти же годы Балакин жил в Италии; по крайней мере, в 1926 г. он был делегатом Российского зарубежного съезда в Париже от этой страны [Российское зарубежье во Франции 2008: 106]. Имя А.А. Балакина встречается в том же 1926 г. в XXIX томе парижского эмигрантского журнала «Современные записки», где известный поэт и переводчик И.И. Тхоржевский (1878–1951) публиковал переводы семидесяти рубаи Омара Хайяма и упомянул Балакина как одного из переводчиков поэзии великого перса.

Как сложилась дальнейшая жизнь А.А. Балакина, пока неизвестно, и даже в новейшем «Российском некрополе в Италии» он не упомянут [Талалай 2014].

¹ В данной работе мы пока не обсуждаем известные писательские свидетельства о сотрудничестве А.А. Балакина с А.И. Куприным и др.

Библиография

- Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
- Загородникова Т.Н.* Серебряный век и Индия // Иностранная литература. 2009. № 11. С. 258–266.
- Профессор Инайят-хан (Пир-о-Муршид и Тансен). Суфийское послание о свободе духа / Авторизованный пер. с англ. и предисл. А. Балакина. М.: Тип. М.О. Агтая и К°, 1914. 91 с.
- Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. В 3 т. Т. 1. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. 796 с.
- Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных материалов и документов. М.: Восточная литература, 1999. № 302–304. С. 423–429.
- Талалай М.Н.* Российский некрополь в Италии. М.: Старая Басманная, 2014. 908 с.
- Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция. 1920–1940 / Под ред. Л.А. Мнухина. Т. 1. Париж, Москва, 1995. 630 с.